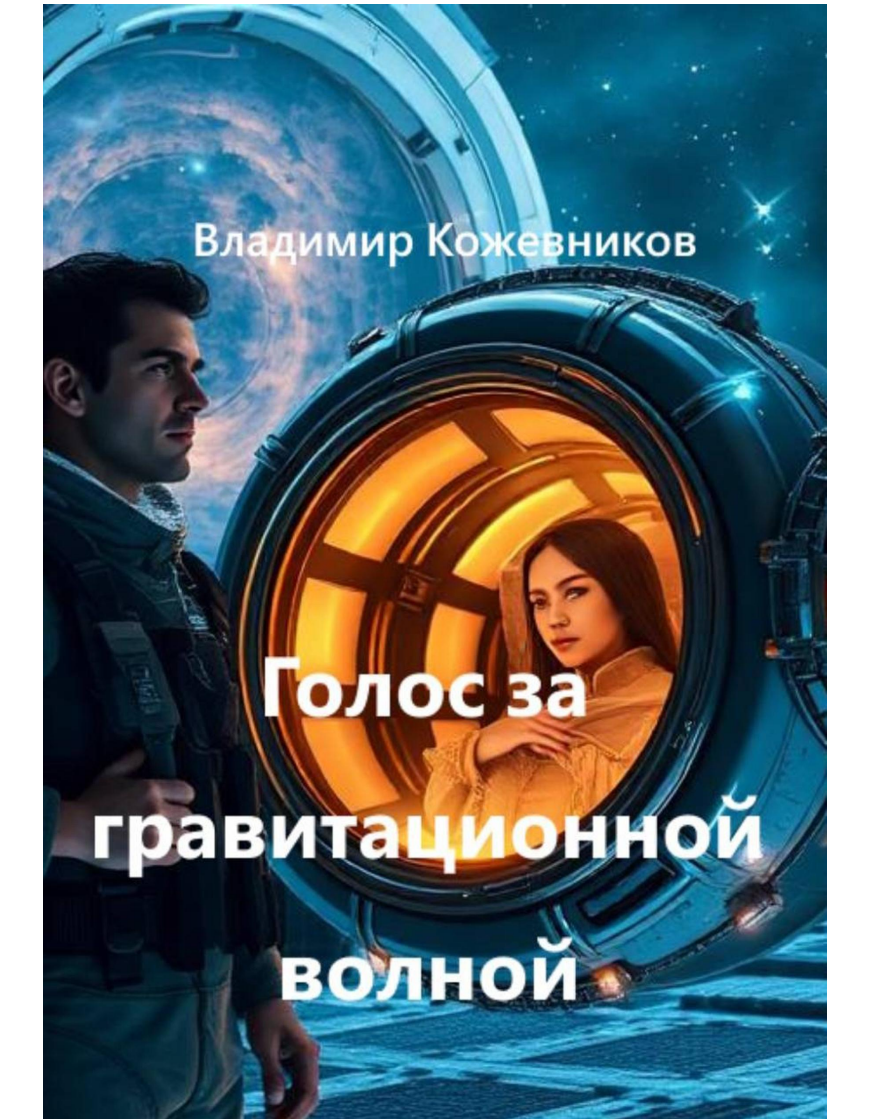

A movie poster featuring a man in a dark flight suit on the left, looking towards a large circular hatch on the right. The hatch is open, revealing a woman in a yellow jacket inside a brightly lit, orange-hued tunnel. The background is a deep blue space with a large, glowing nebula and stars.

Владимир Кожевников

**Голос за
гравитационной
волной**

Владимир Викторович Кожевников

Голос за гравитационной волной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73194323

SelfPub; 2026

Аннотация

Пилот-одиночка Игорь, чей дар чувствовать гравитационные волны, стал проклятием, на заброшенном маяке обнаруживает древнюю капсулу с Аэлитой – последней из расы Звёздных Архитекторов. Их встреча пробуждает безжалостных преследователей: военную машину Космофлота и таинственных «Молчальников», стремящихся стереть любое искажение своего идеального Порядка.

Связанные общим бегством, Игорь и Аэлита вынуждены довериться друг другу. Его интуиция, слышащая музыку пространства, и её знание древних законов мироздания сливаются в уникальный симбиоз. Чтобы выжить, им предстоит не просто ускользнуть, но и научиться танцевать в хаосе гравитационных бурь, ведя безумный диалог с самой тканью реальности. Их танец на краю бездны бросает вызов всем системам контроля, доказывая, что даже в холодной бездне космоса может родиться новая, живая гармония.

Содержание

Глава 1. Тишина после звёздного зова	4
Глава 2. Танец в Кипящей Лагуне	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Кожевников

Голос за гравитационной волной

Глава 1. Тишина после звёздного зова

Тишина на заброшенном маяке «Хирон-7» была не мертвой, а живой. Она вибрировала низким, едва уловимым гулом – отзвуком давно утихших гравитационных бурь, застывшим в сверхпроводящих сердечниках станции. Этот гул проникал в самые стыки металлических конструкций, заставляя их слегка дрожать, словно струны гигантского инструмента, на котором давно перестали играть. Воздух (то, что оставалось от него в системах рециркуляции) был холодным, сухим и пах озонем, статикой и пылью веков – сладковато-горьким ароматом распадающихся полимеров и застывшего машинного масла.

Курсант-пилот Игорь Соколов ощущал эту вибрацию кожей, точнее, тем шестым чувством, что пряталось в глубинах его измененного сознания. «Кинэстетическое предвидение» – так сухо, казённо назвали этот дар в медкарте Космо-

флота, занеся в графу «Аномальные нейрофизиологические отклонения, требующие наблюдения». Теории, рожденные в тиши белых кабинетов, говорили, что его мозг с рождения был настроен на фоновые колебания пространства-времени, улавливая искажения в квантовой пене на планковском уровне. Для Игоря же это был не предмет изучения, а его личная тюрьма и компас одновременно. Внутренний компас, рисовавший не линии магнитных полей, а призрачные шрамы на теле реальности – разрывы, складки, те самые «гравитационные волны», чей шёпот он один мог слышать. Шёпот, который часто превращался в невыносимый рёв, стоило ему оказаться рядом с работающим варп-двигателем или в эпицентре подпространственной бури.

Его патрульный челнок «Стрежень», старый, выдавший виды «Сокол-М», завис у причального кольца, словно усталый жук у края серебряной паутины. Свет прожекторов выхватывал из тьмы облупившуюся обшивку станции, покрытую инеем конденсата и микрометеоритными сколами. Задание было рутинным, скучным: проверить не отвечающий на запросы автоматический маяк на самой окраине сектора Дзета, в зоне, которую давно списали со счетов картографы. Но уже при полёте, за тысячу километров до «Хирона-7», Игоря пронзила острая, сладковато-горькая «нота» в хоре пространства. Здесь был разрыв. Не катастрофический, не зияющая рана, а старый, почти заживший, аккуратно зашитый самой тканью мироздания, но его эхо всё ещё звало, ма-

нило, царапало по нервам, как звук разбитого стекла, который слышен только ему.

Зачем я здесь? – мелькнула привычная мысль. Не из страха, а из глухой усталости. Усталости от вечного внутреннего шума, от взглядов сослуживцев, в которых читалось непонимание, смешанное с опаской. Его не гнали, но и не приближали. Он был инструментом. Аномалией. И эта проверка заброшенного маяка – идеальный способ убрать инструмент с глаз, пусть и на время.

Шлюз «Хирона-7» с скрежетом, но поддался. Игорь переступил порог и попал в царство замерзшего времени. Пыль висела в лучах его наשלемного фонаря неподвижными, густыми облаками, каждое зернышко застыло в своем падении, будто время здесь остановилось с последним выдохом систем жизнеобеспечения. Консоли в коридорах мертвы, экраны темны. Лишь индикаторы аварийного питания на потолке мигали раз в минуту тусклым красным светом, отбрасывая длинные, пульсирующие тени. Тишина была настолько плотной, что в ушах начинал звенеть собственный кровоток.

Игорь шел медленно, прислушиваясь. Не ушами – внутренним чувством. Станция не просто молчала. Она... затихла. И в центре этого ожидания, в главном зале под куполом из черного, звездного стекла, открывавшим вид на усыпанное бриллиантовой пылью безмолвие, стояла Она.

Анабиозная капсула. Она не была похожа на грубые, угло-

ватые человеческие модели с их пучками проводов и стальными болтами. Она напоминала идеальную слезу, выточенную из темного опала, и мерцала изнутри мягким, живым бирюзовым светом, пульсирующим в такт какому-то неведомому ритму. Свет играл на стенах, рисуя причудливые водяные тени. Внутри, в вязкой, перламутровой жидкости, парила девушка. Длинные, цвета воронова крыла волосы обви-вали её худое тело, как водоросли, колеблемые невидимым течением. Черты лица – острые, утонченные, нечеловечески прекрасные. На лбу и висках просматривался едва заметный серебристый узор, похожий на замысловатые схемы звёздных маршрутов или кристаллическую решетку. В уголках закрытых глаз – легкие тени, застывшие на тысячелетия анабиоза, а на тонких, бледных губах будто замер полувопрос.

Игорь замер, замороженный. Его дар, обычно беспокойный и тревожный, вокруг этой капсулы затих, настроился на её частоту. Он почувствовал не разрыв, а... завершенность. Совершенный, замкнутый контур. Он прикоснулся к интерфейсу. Не было ни кнопок, ни портов, ни привычных сенсорных полей. Но стоило его руке в грубой перчатке приблизиться к гладкой, тёплой поверхности опала, как капсула отозвалась.

В его сознании, минуя уши, прорвался, пролился Голос. Не слово, не звук, а целый пакет смыслов, образов, ощущений, обрушившихся разом: «Спаси. Опасность близко. Пробуждение неизбежно. Звёздные Архитекторы. Падение ци-

визитации. Одиночество. Свет гаснет.» И за этим – вспышка: видение гигантских, плавных кораблей, пожирающих свет, и тишины, наступающей после них.

Игорь отшатнулся, оперся о холодную стену. Голова раскалывалась от чужого, мощного сигнала. Но его дар, оправившись от первоначального шока, уже активировался, ощущая энергетическое поле капсулы. Оно было совершенным, гладким и непроницаемым, как поверхность нейтронной звезды. Идеальная защита. Но он знал – ничто во Вселенной не идеально. Его внутренний взгляд, привыкший выискивать диссонансы в симфонии мироздания, скользил по полю, пока не нашёл еле заметную «рябь» – крошечное место, где защита пульсировала с иной, чуть сбивчивой частотой, слабый шов в броне.

Я не должен этого делать, – пронеслось в голове. Кто она? Что пробужу? Но под пальцами (уже сняв перчатку) поверхность капсулы была тёплой, почти живой. А в памяти звучал отчаянный, беззвучный крик о помощи. Собрав всю концентрацию, Игорь подстроил своё восприятие под этот диссонанс, нашёл точку резонанса – тихую ноту, в которой его внутренняя вибрация и вибрация поля становились одним целым. И мягко, но непреодолимо надавил. Не физически – силой воли, направленным желанием понять, открыть.

Опаловая оболочка вздохнула. По её поверхности пробежала золотистая сеть трещин-молний, и она расцвела, как бутон, лепестки-сегменты плавно разошлись в стороны. Вяз-

кая жидкость с тихим шипением ушла в дренажные каналы, испуская пряный, цветочный аромат, смешанный с запахом озона. Девушка, лишённая опоры, упала вперед. Игорь, действуя на рефлексах, успел подхватить её на руки. Она была невероятно легкой, почти невесомой, будто её кости были полыми, а плоть – из уплотнённого света. Её веки дрогнули. Под ними мелькнул отсвет золота.

Ещё не оправившись от чуда, ещё держа на руках тёплое, дышащее тело незнакомки, он услышал вой. Не внутренний, а самый что ни на есть реальный, пронзительный вой сирен. Все датчики на его скафандре и дистанционные датчики «Стрежня» взвыли тревогой, проецируя на визор карту угроз. На дальних подступах к маяку, разрывая подпространство с болезненным для его чувств хрустом, материализовались три силуэта. Два – угловатые, агрессивные, покрытые выступающими орудийными платформами: эсминцы ударного крыла Космофлота «Громовержцы». Их корпуса уже светились ядовито-синим зарядом таранных орудий, готовых разнести маяк в пыль. И один – плавный, обтекаемый, без видимых орудийных портов, отливавший цветом вороненой стали и глубокого молчания. Корабль «Молчалиников». Он не излучал, а поглощал свет и радиоволны, искажая вокруг себя звездный фон, словно капля чёрных чернил в воде. От него веяло такой ледяной, безжизненной тишиной, что у Игоря свело желудок.

Тревога его была не панической, а холодной, кристаль-

ной, как лёд в вакууме. Его дар, встревоженный вторжением, заработал на пределе, рисуя в сознании не просто траектории кораблей, а веер возможных будущих веток их атак, гравитационные петли и силовые сети, которые они набросят на хрупкий маяк, чтобы захватить или бесшумно стереть с лица реальности. И среди этого калейдоскопа угроз он увидел, вычислил единственную тонкую, почти невероятную нить к спасению – не в открытый космос, где их настигнут за несколько минут, а внутрь того самого старого, нестабильного гравитационного разрыва, что дремал рядом со станцией, мерцая на его внутренней карте запретной, багровой точкой. Прыжок туда для любого другого пилота был самоубийством. Слепой прыжок в мясорубку нестабильного подпространства.

Девушка на его руках пошевелилась и открыла глаза. Полностью. Глаза цвета расплавленного золота, без белков, сияющие внутренним светом. В них не было страха или растерянности новорожденного. Только всепонимающая, древняя печаль и внезапная, стальная решимость. Её тонкие, длинные пальцы, холодные и цепкие, обхватили его запястье. Прикосновение вызвало новый всплеск связи, тише, четче: «Я – Аэлита. Последняя из Хранителей Путей. Они нашли меня. Я знаю путь через Разлом. Доверься. Лети туда, куда твое чувство указывает падение, падение в бездну.» И с этим – образ: не карта, а ощущение падения в пропасть, за которым следует... мягкость. Уловка восприятия.

Игорь не думал. Он действовал. Бросился назад, к шлюзу, неся Аэлиту на руках, как ребёнка. Она не обнимала его, но и не сопротивлялась, её тело было расслабленным, доверяющим. За его спиной маяк «Хирон-7» вспыхнул ослепительным голубоватым светом, накрытый сходящимися лучами энергетических захватов с «Громовержцев». Металл скрипел и плавился. Двери челнока захлопнулись, отсекая хаос. Он буквально вбросил Аэлиту в кресло штурмана, накинул на неё валявшееся там термоодеяло, сам рухнул в кресло пилота, пальцы уже летали по привычным переключателям.

«Держись,» – хрипло, сквозь сухость в горле, выдохнул он, вжимая рычаги управления до упора. «Стрежень», сгуля перегруженными двигателями, рванул с места – не в сторону от звёзд, а прямо к той самой точке кажущейся пустоты, где его внутреннее зрение видело зияющую, кипящую рану в ткани пространства.

И в тот миг, когда «Громовержцы» выпустили первые снопы плазменных торпед, а корабль «Молчальников» испустил беззвучный, но ощутимый для дара Игоря импульс, парализующий электронные системы, старый патрульный челнок, будто подхваченный гигантской волной, нырнул в разрыв.

Реальность вокруг сжалась, заскребла по корпусу миллиардом стальных игл, цвета спутались в невыносимую, режущую глаза белизну, а потом – в абсолютную, крошечную черноту, где не было ни света, ни звука, ни понятий «верх» и «низ». Мир закона, порядка и привычной физики кончил-

ся. Начиналось безумное, смертельное танго на самом краю
бездны.

Глава 2. Танец в Кипящей Лагуне

Безумие длилось вечность и мгновение одновременно. «Стрежень» не летел – его выкручивало, растягивало и швыряло по извилистым, нелогичным коридорам не-пространства. Здесь не работали законы инерции. Ощущение было такое, будто корабль, а с ним и их тела, разобрали на атомы, смешали в калейдоскопе, а затем собрали вновь, но уже в ином, абсурдном порядке. Датчики зашкаливали или молчали, выдавая немое отчаяние перегруженных процессоров. На главных экранах плясали абстрактные, психоделические картины: спирали, превращающиеся в квадраты, фрактальные взрывы цвета, которые начинали вызывать боль, если смотреть на них слишком долго. Воздух в кабине стал тяжёлым, пахнущим жжёной изоляцией и чем-то ещё – озоном распадающихся связей реальности.

Игорь держал штурвал мёртвой хваткой, но не управлял – он слушал. Его дар, обычно рисовавший чёткие, пусть и прозрачные, линии искажений, теперь кричал какофонией всех мыслимых и немыслимых частот. Это было похоже на то, как если бы внутри его черепа одновременно играли все симфонические оркестры галактики, причём каждый – на разной скорости и вразнобой. Боль раскалённой иглой вонзалась в виски, за глазами.

– Стабилизаторы на пределе! Гравитационные компенса-

торы отказывают! – его собственный голос прозвучал хрипло, чужим, утонув в грохоте скрежещущего, стонущего корпуса. Где-то сзади что-то лопнуло с резким, как выстрел, хлопком. Запах гари усилился.

Рядом Аэлита, бледная, почти прозрачная, но невероятно собранная, впиалась длинными пальцами в панель штурмана. Её золотые глаза были закрыты. Она не пыталась смотреть – она помнила. На её лице отражалось сосредоточенное, отстранённое выражение учёного, вспоминающего сложнейшую формулу. Казалось, она отфильтровывала хаос, ища в нём знакомые узоры.

– Это не путь, – прошептала она, и её голос, тихий, но отчётливый, пробился сквозь гул, будто она говорила прямо ему в сознание. – Это... пищеварительный тракт дикого пространства. Старая, забытая тропа. Её не прокладывали Архитекторы – её проели, проторили слепые силы... природные катаклизмы подпространства.

В голове Игоря, поверх боли и хаоса, возник не образ, а чувство. Чёткий, мощный ритм. Неравномерное, тяжёлое сердцебиение гигантского зверя. И вместе с ним – ясная мысль-указание Аэлиты: «Слушай не сами разрывы. Слушай интервалы между ними. Паузы. Тишину. Ищи не стену, а дверь.»

Игорь сжал зубы, заставив себя отвлечься от оглушительного хаоса. Он перестал бороться с потоком искажений и начал искать в нём узоры, как когда-то в детстве искал лица в

трещинах на потолке своей комнаты. Он сосредоточился на промежутках, на тех кратких мигах, когда какофония стихала, сменяясь почти благоговейной тишиной. И увидел. Узкие, текущие, как ртуть, щели спокойствия в бушующем океане не-пространства. Они были мимолётны, возникали и исчезали за доли секунды.

– Дай мне управление векторами тяги на микросекунды, – глаза Аэлиты открылись. В них горел не магический, а холодный, расчётливый огонь знания, математика, познавшего музыку сфер. – Ты чувствуешь ритм, ты можешь предсказать, где будет следующий просвет. Я знаю, как под него подстроиться, чтобы мы не разорвались на части. Доверь мне импульсы.

Игорь, не раздумывая, кивнул. Его разум был слит с кораблём, с её присутствием, с этой безумной ситуацией. Он мысленно перевёл часть систем управления на её панель, создав сцепку. В этот момент между ними возникла примитивная, но действенная нейросеть из двух разумов.

И начался танец.

«Стрежень» дёрнулся. Резкий, отчаянный рывок вправо на 5.3 градуса. Глушение двигателей на 0.07 секунды. Резкий, противоестественный разворот по крену. Импульс назад от маршевых двигателей. Спазматические, казалось бы, бессмысленные жесты умирающей птицы. Но каждый манёвр – точно в зарождающуюся тихую заводь пространства, в момент затишья между гравитационными ударами. Корабль

не летел, а скользил, извивался, проскальзывал сквозь игольные ушки реальности. Он дрожал всем корпусом, обшивка стонала, но держалась.

Игорь чувствовал рядом чужой, ясный, не замутнённый болью разум. Он корректировал его интуитивные порывы, вносил поправки – тонко, точно, с опережением. В момент очередного отворота от сгустка чистой гравитации Игорь потянул штурвал на себя, инстинктивно пытаясь «забрать повыше». Её рука – легкая, но неотменимая – легла поверх его руки в перчатке. Мягко. Твердо. Она толкнула штурвал от себя. И в тот же миг в его сознании вспыхнуло понимание, переданное ею: подъем здесь – верная, мгновенная смерть. Надо падать вниз, в самую гущу вихря, где прячется спокойствие.

Их выбросило в реальность. Резко, нелепо, будто пространство, устав от непрошенных гостей, выплюнуло кость. Одинокий, искореженный корабль на фоне безумия.

Они вылетели прямо в сердце Туманности Кальпа, носившей у пилотов-дальнобойщиков прозвище «Кипящая Лагуна». Вокруг, куда ни глянь, колыхались, переливаясь всеми цветами адского пламени, гигантские облака ионизированного газа. Они не просто висели – они пульсировали, разрывались и сшивались вновь под воздействием невидимых гравитационных судорог. Свет от далёких звёзд искривлялся, создавая призрачные гало и двойные изображения. Сквозь фильтры систем жизнеобеспечения в кабину просочился за-

пах – едкий коктейль из озона, серы и гари. Корпус «Стрежня» остывал с противным металлическим скрипом.

Игорь разжал челюсти и выдохнул воздух, которого, казалось, не хватало целую вечность. Он с трудом разжимал побелевшие, одревеневшие от напряжения пальцы, чувствуя, как в них медленно возвращается кровь. В висках стучало, сердце бешено колотилось, пытаюсь нагнать упущенный ритм. Во рту пересохло, как в пустыне.

– Мы... живы? – это прозвучало не как вопрос, а как констатация невероятного факта.

Аэлита смахнула со лба, с виска тёмную, почти чёрную прядь волос, слипшихся от пота. На её лице промелькнула уставшая, но острая, почти ликующая улыбка. В ней было что-то от ребёнка, впервые решившего невероятно сложную задачу.

– Мы танцуем, – поправила она тихо. – Пока что.

И снова – мысленный щелчок, пакет ощущений, легче предыдущего: изумление, граничащее с восхищением, искреннее уважение и... тень глубокой, древней тоски. «Ты слышишь танец пространства. Понимаешь его интуитивно. Мои предки, Звёздные Архитекторы, годами вычисляли такие балеты из гиперпутей – как мой учитель на Звёздном Станке показывал мне...» Обрывок её памяти, как вспышка: гигантское, прозрачное кольцо, висящее в вакууме, и внутри

него – танцующие в сложнейших фигурах светящиеся точки, моделирующие потоки. «А ты... ты просто чувствуешь. Это... редкость.»

Её мысль была переполнена не техническим восторгом, а почти эстетическим наслаждением. Игорь смущённо отвёл взгляд, чувствуя неловкость от такого прямого вторжения в его единственную, всегда одинокую особенность.

Сигнал тревоги сканеров, резкий и пронзительный, врзался в эту хрупкую паузу. На периферии экранов, среди переливающихся облаков туманности, вырисовались силуэты. Два «Громовержца». Они материализовались у самого «входа» – той точки, откуда вынырнул «Стрежень». Корабли выстраивались в линию, их орудия, похожие на жала, поворачивались, нащупывая цель в хаосе туманности. Один из эсминцев выпустил пару разведывательных дронов-«клещей». Маленькие аппараты метнулись вперёд, но тут же попали в мощный турбулентный поток плазмы и начали бешено метаться, теряя ориентацию, их сигналы тут же пропали в помехах.

Но третий корабль...

Корабль «Молчальников» висел в самой гуще клокущей плазмы, в эпицентре гравитационной бури. Неистовые потоки раскалённого газа и энергии не били по его корпусу, а... плавно обтекали его, как вода обтекает гладкий камень. Вокруг него был пузырь абсолютного, мёртвого спокойствия. Он не сопротивлялся хаосу – он заставлял хаос

подчиниться, обтечь себя, создавая инверсионный след из упорядоченного пространства.

– Как они... – начал Игорь, не в силах оторвать глаз от этого невозможного зрелища.

– Они не пробиваются сквозь течение. Они заставляют течение обтекать их, – голос Аэлиты стал тихим, в нём впервые прозвучал чистый, неконтролируемый страх. Она смотрела на корабль не как на врага, а как на воплощение знакомого, древнего ужаса. – Это контроль иного порядка. Не наша физика. Не сопротивление, а... переписывание локальных правил.

На общем канале связи, который они мониторили, воцарилась тишина. Но не эфирная пустота, а давящая, нарочитая тишина, будто перед ударом. И её нарушил Голос. Чистый, безобертонный, лишённый каких-либо эмоциональных модуляций звук. Он резал слух, как металл по стеклу.

«Архитектор. Человек-аномалия. Вы нарушили Порядок восстановления. Ваш симбиоз – недопустимый вирус в вычислениях. Прекратите движение. Передайте Архитектора. Восприятие аномалии будет стёрто. Сопротивление повлечёт аннигиляцию.»

Игорь сжал кулаки так, что костяшки затрещали. Стереть? Как ошибку? Как погрешность в расчётах? Его дар, его проклятие, его единственное отличие – всего лишь погреш-

ность для этих... существ? Гнев, горячий и ясный, на миг пересилил страх.

Аэлита выпрямилась в кресле. Страх в её глазах сменился холодной, гордой яростью. Она смотрела на корабль «Молчальников» не как на неодолимую силу, а как на оппонента.

– Они боятся, – сказала она твёрдо. – Не нас. А того, что мы представляем. Наши пути, наш союз – это переменная, которую они не могут предсказать. Диссонанс в их идеальной симфонии контроля.

«Стрежень» – старый патрульный бот, чьи щиты уже светились тревожным жёлтым, а ресурсы двигателей были на исходе. В открытом бою шансов не было. Никаких.

Но они были в Туманности Кальпа. В месте, где правила классической физики и тактики были лишь робкими предложениями, которые безумие реальности могло в любой момент отклонить.

Игорь перевёл взгляд с экранов на Аэлику, потом на бующий за бронированным стеклом иллюминатора хаос.

– Ты сказала, они заставляют течение обтекать их. Создают пузырь порядка, – его голос приобрёл странную, расчётливую интонацию. Голос пилота, придумывающего невозможный манёвр. – А что, если создать течение, которое невозможно обойти? Которое бьёт не снаружи, а... рождается внутри их же порядка?

Золотые глаза Аэлиты вспыхнули. Не страхом, а азартом учёного, увидевшего изящное решение.

– Гравитационный диссонанс, – прошептала она, её пальцы уже летали над панелью, вызывая диаграммы. – Нужны две точки контрастной кривизны пространства... очень близко. Резкое, искусственное их соединение... Это вызовет стоячую гравитационную волну. Наподобие копья. Очень нестабильного, но...

– Метнем это копьё в них? – Игорь закончил мысль.

– Их пузырь, их локальная стабильность... она может не выдержать удара изнутри, резонансной кавитации, – она уже говорила быстрее, её глаза бегали по схемам. – Но нужна ювелирная точность. И один шанс. Волна проживёт миллисекунды.

– Он всегда один, – хмыкнул Игорь с какой-то отстранённой горечью, переводя оставшуюся энергию двигателей в боевой, перегрузочный режим. Агрегаты взвыли протестом. – Ладно. Давай станцуем для них прощальное танго. Надеюсь, оценят.

«Стрежень», скуля всеми своими суставами, рванул не прочь, а вглубь кипящего хаоса туманности, навстречу кораблям. Игорь отключил часть визуальных датчиков, дове-

рившись своему внутреннему зрению. Он искал кожей, нервами, костями: «ноту» высокую, пронзительную, визжащую – такой была энергия сгустка плазмы слева по борту. И «ноту» низкую, гудящую, давящую – так звучала гравитационная ложбина, напряжённая складка пространства чуть правее. Его задача – безумным, рискованным манёвром «натянуть струну» между этими двумя аномалиями, сблизить их на критическое расстояние. Её задача – рассчитать момент и силу «щипка», импульс от искажающих полей корабля, чтобы вызвать резонанс, рождение той самой стоячей волны. Разорвать тишину изнутри их собственного спокойствия.

Они не обменивались словами. Их диалогом был ритм дыхания, напряжение мышц, мелькание данных на общих экранах. Танец стал дуэтом на краю гибели, где партнёры вели друг друга в такт музыке, которую слышал только один из них, но чувствовали оба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.